8. Leyderman N.L. *Teorija zhanra* [Theory of the genre]. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU Publ., 2010. p. 904.
9. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of literature and esthetics]. Moscow: Hudozh. lit. Publ., 1975. p. 504.
10. Abdullaev E. *Proza v poezii: v poiskah edinstva?* [The prose in the poetry: in search of unity?]. *Voprosy literatury* [Issues of literature], 2006, no. 5, pp. 67–80.
11. Kozlov V. *Vyshivka jeposom po lirike* [Epic embroidery in literature]. *Arion* [Arion], 2006, no. 4, pp. 41–52.
12. Kostyukov L. *Dlinnoe dyhanie (o bol'shoj poyeticheskoj forme)* [Long breath (about the great poetic form)]. *Arion* [Arion], 2001, no. 1, pp. 52–62.
13. Gudkova S.P. *Kniga stihov kak krupnaja zhanrovaja forma v tvorchestve russkojazychnyh pisatelej Mordovii (na materiale pojeticheskikh izdanij 2014–2015 gg.)* [Book of poetry as a large genre form in creative work of Russian-language writers of Mordovia (on the material of poetic editions of 2014–2015)]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric studies], 2016, no. 2(25), pp. 27–36.
14. Gudkova S.P. *Krupnye zhanrovyje formy v sovremennoj russkoj poezii Mordovii* [Large genre forms in the modern Russian poetry of Mordovia]. Saransk: Izd-vo Morov. un-ta Publ., 2016. p. 208.
15. Smorodin K. *Vtoroe dyhanie: stihy* [The second breath: poems]. Saransk: Izd-vo «Krasnyj Oktjabr» Publ., 2016. p. 240.
16. Smorodin K.V. «*V zhizni kazhdogo cheloveka prisutstvuet Bozhij promysel!*» [«There is the God's Providence in the life of every man!»]. *Interv'ju redakcii gazety «Stolica S»* [An interview of the newspaper «Stolica S»], 10.09.2016.
17. Rusakov G. *Razgovory s bogom* [Conversations with God]. *Znamja* [Znamya], 1999, no. 10. pp. 3–8.
18. Rusakov G. «*Mne bol'no zhit' ot schast'ja bytija*». *Interv'ju E. Konstantinovej* [«It hurts me to live a happy life». Interview of E. Konstantinova]. *Voprosy literatury* [Issues of literature], 2004, no. 3. pp. 239–258.

УДК 398.2 (=511:143)

О.Ю. Динисламова

К вопросу об основных цветообозначениях современного мансийского языка: антропологический и лингвокультурологический подходы

Аннотация. В статье на основе антропологического и лингвокультурологического подходов описываются результаты исследования, проведённого с целью установления основных цветообозначений в современном мансийском языке. Актуальность выбранной темы определяется, прежде всего, тем, что цветообозначения мансийского языка до настоящего времени не становились объектом специального изучения. В связи с поставленной целью в работе были решены следующие конкретные задачи: 1) в соответствии с теорией Б. Берлина и П. Кея об универсальном характере эволюции цветоименований из всего многообразия цветообозначений мансийского языка было выявлено три основных: *я́нк* 'белый', *сэмыл* 'чёрный' и *выгыр* 'красный'; 2) представлено лингвокультурологическое описание данных цветообозначений. Предметом исследования являются наименования цветов мансийского языка, зафиксированные в словарях, фольклорных сборниках и личная картотека, собранная в процессе работы с информантами. Практическая ценность настоящего исследования состоит в том, что собранный и систематизированный материал, а также результаты исследования будут способствовать дальнейшему исследованию лингвоцветовой картины мира манси, отражающей этнический менталитет народа.

Ключевые слова: основные цветообозначения, колоративная лексика, номинации цвета, мансийский язык.

O.Yu. Dinislamova

To the question about basic color terms of modern Mansi language: anthropological and lingual-culturological approaches

Abstract. The article on the basis of anthropological and cultural approaches describes the results of the study with the purpose of identification of the basic color terms in modern Mansi language. The relevance of the theme is primarily determined by the fact that the color terms of Mansi language have not been the objects of special study. In connection with the purpose of the research the following specific objectives were achieved: 1) in accordance with the theory of B. Berlin and P. Kay about the universal character of the evolution of the colors names three major color terms were revealed in Mansi language among all variety of these terms: *yangk* 'white', *semyl* 'black' and *vygyr* 'red'; 2) lingual-culturological description of these color names were presented. The subjects of the study are the names of the color in Mansi language fixed in dictionaries, folklore collections and own card index obtained in process of working with informants. The practical value of this study is in the fact that all collected and systematized material, as well as the results of the study will contribute to the further study of linguocultural picture of the world of the Mansi, reflecting the ethnic mentality of this people.

Key words: basic color terms, color vocabulary, color naming, Mansi language.

Понятие цвета существует в каждой культуре, с ним связана важная социокультурная информация, накопленная этносом. Цвет является одной из категорий познания мира и наравне с такими категориями, как пространство, время, движение, представляет собой один из ключевых культурных концептов [1, 31].

Будучи такой уникальной категорией культуры, фиксирующей информацию о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций и особенностях художественного видения мира, цвет, таким образом, является универсальной

категорией, которая, тем не менее, имеет свою специфику в каждой лингвокультуре.

В середине прошлого века Б. Берлин и П. Кей, обработав богатый лингвистический материал (98 языков разных языковых семей), делают вывод о существовании универсальных законов устройства системы основных цветообозначений в языках мира. Они доказали, что хотя количество основных цветообозначений в языках мира различается, но оно является ограниченным и варьируется в диапазоне от двух до одиннадцати. В качестве основных названий цветов выделяются: белый, чёрный, красный, зелёный, жёлтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый. Если в языках число основных цветовых терминов меньше одиннадцати, то действуют определенные универсальные закономерности [2, 2–5]:

1. во всех языках есть термины для обозначения чёрного и белого (манс. *сэмыл* ‘чёрный’ и *яңк* ‘белый’);

2. если в языке три цветовых обозначения (далее – ЦО), то среди них есть наименование для красного (манс. *вёгыр* ‘красный’);

3. если в языке четыре ЦО, то среди них есть термин либо для зелёного, либо для жёлтого, но не оба (в мансийском языке в некоторых диалектных группах, таких как верхне-сосьвинская, средне-сосьвинская, обская, нижне-сосьвинская, часто для обозначения жёлтого и зелёного цветов используется общая лексема *восьрамхарп* (букв. как цвет желчи);

4. если в языке пять ЦО, то есть термины для обозначения и зелёного, и жёлтого (как уже отметили, для обозначения этих цветов чаще используется общая лексема *восьрамхарп*, однако, как отмечает З.П. Соколова, ссылаясь на информанта П.Е. Шешкина, у ляпинских манси для обозначения жёлтого используется лексема *касумхарпа* ‘как жёлтый, желтоватый’ [3, 176]. В верхне-лозьвинском диалекте для обозначения зелёного используется лексема *вуцрам* [4, 32], жёлтый обозначен лексемой *восый* ‘ржавый’ (информант Т.П. Бахтиярова);

5. если в языке шесть ЦО, то есть термин для голубого/синего цвета (в мансийском языке существует только производные цветообозначения для обозначения голубого/

синего цвета *атырхари* ‘лазурь, синевя, похожая на цвет ясного неба’ или *атырхарпа* ‘голубоватый, синеватый’, не являющимися основными);

6. если в языке семь ЦО, то язык располагает термином для коричневого цвета (в мансийском языке существуют только производные цветообозначения для обозначения коричневого цвета, из которых ни одно не является основным, например: *хариң сас оспа* ‘коричневый’ (букв.: похож на цвет обратной стороны содранной бересты), *туңра ма хурип* ‘коричневый’ (букв. похож на цвет тундровых земель). В словаре Е.И. Ромбандеевой, Е.А. Кузаковой для обозначения коричневого представлена лексема *хонсам* [5, 234], однако в словаре А.Н. Баландина и М.П. Вахрушевой *хонсам* ‘серый’ (о волке) [6, 138];

7. если в языке есть восемь и больше ЦО, то есть термин для фиолетового, розового, оранжевого и серого цветов или некоторых их сочетаний (в мансийском языке данные цветообозначения, кроме *хонсам* ‘серый’, отсутствуют. Как отметили выше, прилагательное *хонсам* имеет ограниченное употребление, применяется для обозначения окраса животных (волка, летнего окраса зайца). В статье З.П. Соколовой (информант П. Шешкин) отмечается цвет *восых* ‘серый’, в целом же для обозначения серого ЦО используется термин *сэмылхарпа* (букв. оттенок чёрного цвета).

Очевидно, что количество цветообозначений не может уменьшаться, а увеличиваться может в результате научно-технической революции, новшеств в литературе, торговле или заимствований. Б. Берлин и П. Кей определили основное цветообозначение с помощью четырёх главных критериев [2, 6]:

1. значение слова должно быть немотивированным, т.е. его лексическое значение должно быть неделимым, невыводимым из значения компонентов. Этот критерий исключает такие ЦО, как: *яңкхарпа* ‘беловатый; белесый’; *сэмылхарпа* ‘серый; бурый’;

2. его значение не должно быть синонимичным другому, более общему ЦО. Например: *кёлпын/тёлпың* (букв.: кровавый) в значении ‘красный’ (цвет свежей крови), *карт* (букв.: сгусток крови, запекшаяся кровь) в

значении ‘малиново-красный’, синонимичны ЦО *вёгыр* ‘красный’;

3. слово должно обладать широкой сочетаемостью. ЦО, описывающие ограниченную группу объектов (волосы, глаза, масть животных, оперение птиц), основными не являются. Например: *хатыр* ‘буланный’, *нярав* ‘белый’ (о масти);

4. слово должно иметь психологический «вес», быть психологически значимым для носителей, оно должно упоминаться информантами в числе первых и обладать устойчивым денотативным значением. Например: *сэмыл* ‘чёрный’, *яңк* ‘белый’, *вёгыр* ‘красный’. Психологическую значимость характеризуют следующие показатели [2, 6–7]: а) тенденция оказываться в числе первых цветообозначений, называемых информантами; б) устойчивая референция, т.е. референт одинаков для всех носителей языка и не зависит от контекста; в) вхождение в идиолект всех информантов. Если статус основного цветообозначения вызывает сомнения, то необходимо обратить внимание на дополнительные критерии (5–8) [2, 6–7];

5. словообразовательный потенциал должен быть таким же, как у цветообозначений, выявленных по предыдущим критериям;

6. основное ЦО не может одновременно обозначать цвет и предмет соответствующего цвета. Например: *сёрни* ‘золото’, *сёрниң* ‘золотой’, *восьрам* ‘желчь; жёлтый/зелёный’, *тёлп/кёлп* ‘кровь; красный’;

7. слово не должно быть недавним заимствованием (таких слов в мансийском языке не выявлено);

8. следует учитывать морфологическую структуру сомнительного слова. Сложные и производные слова основными цветообозначениями не являются. Например: *няр атырхарпа* ‘цвет голубой дали’, *восыххарпа* ‘тусклый как цвет тумана’, *йныг сёри* ‘фиолетовый’ (букв.: цвет цветения шиповника), *сёртни хурип оспа* ‘ярко-жёлтый’ (букв.: похожий на цвет репы), *хёлам халь лүпта хурип* ‘жёлтый’ (букв.: похож на цвет увядших листьев берёзы), *восьрам-вёгырхарпа* ‘оранжевый’ (букв. жёлто-красноватый цвет).

Таким образом, на основании данных критериев в мансийском языке было выделено 3 основных цветообозначения: хроматический

– *вёгыр* ‘красный’, ахроматические – *сэмыл* ‘чёрный’ и *яңк* ‘белый’. Остальные наименования цвета обозначают оттенки. В фольклоре, обрядах и художественных традициях манси семантика белого, красного и чёрного цветов, в отличие от жёлтого, синего и зелёного, является более богатой и разнообразной, что свидетельствует об их архаичности.

Мифологические значения исследуемых цветов архетипичны, они базируются на неизменных свойствах как природы, так и человека. Идея первичности в культуре триад получила широкое распространение благодаря трудам В.И. Тэрнера [7; 8]. В древних культурах многих народов различных регионов мира всегда особое значение придавалось этим цветам: белому, чёрному, красному. Данная первичная триада обнаружена и в мансийском языке, в результате чего было установлено, что именно эти цветообозначения являются для мансийского языка основными.

С одной стороны, такое обстоятельство может создать впечатление о бедности цветообозначений в мансийском языке, но на самом деле это не соответствует действительности. В мансийском языке слова, называющие цвет, окраску, масть, оттенок, составляют большой разряд прилагательных. В статье З.П. Соколовой отмечается: «Петр Шешкин говорит, что в языке манси – больше шестидесяти названий различных цветов. Оттенков только одного красного цвета – шестнадцать, синего – одиннадцать, зеленого, желтого и коричневого – больше двадцати» [3, 176].

Яңк ‘белый’ и сэмыл ‘чёрный’

Как и во многих культурах различных народов, белый и чёрный цвета в мансийском языке наиболее часто употребляются в речи, так как представляют основные цвета окружающей природы. Белый цвет, как правило, ассоциируется с днём, снегом, светом, жизнью, добром, Верхним миром, и, скорее всего, этим объясняется его неразрывная связь с понятием «светлый». Чёрный цвет – это обозначение темноты, ночи, смерти, болезни, зла, Нижнего мира.

В.Г. Кульпина относит обозначение белого цвета к этнически релевантным, т.е. особенно

важным для этноязыкового сознания цветообозначениям. «Белый» может выступать как постоянный эпитет, маркирующий положительные свойства людей и предметов [9, 133]. Белый цвет практически не имеет отрицательных значений и тем более не является символом смерти, траурным цветом, как в культурах некоторых народов. В палитре мансийской культуры чёрный цвет – *сэмыл* – выступает как антипод белого, прежде всего, как классификационный партнер в бинарной оппозиции «белое – чёрное». Цветообозначение *сэмыл*, так же как и *яңк*, семантически нагружено и в своем содержании отображает характерную для многих народов ассоциативную связь чёрного со злом, несчастьем, смертью [10, 152].

В мансийском языке белый цвет обозначается двумя равнозначными, в том числе и психологически, наименованиями – *яңк* и *войкан/вуйкан*. Они различаются по стилистической окраске и по сфере употребления, например: *яңк пуңк* ‘белая голова’ (в значениях ‘седой’, ‘светловолосый’), *яңк тōр* ‘белая ткань’, *яңк маснут* ‘белая одежда’; *войкан пуңк* ‘светлая голова’ (в значении ‘светловолосый’), *войкан номт* ‘светлая мысль’, *ятил войкан* ‘милое пресветлое’ (обращение к Торуму), *войкан тōр* ‘светлая ткань’; *войкан витуп тэпың Ас* ‘светловодная питательная Обь’. Примеры: *Экватэ пуңке щўлытыма, сōвыр сов хольт войканыг ёмтум* ‘У женщины голова поседела, подобно шкуре зайца, совсем белой стала’; *Ань мат лāвилталнэ / Войкан витпа тэпың Асна / Тāн нэглэгыт* ‘На известную всем / Светловодную питательную Обь / Они добрались’ [11, 35, 181].

Таким образом, прилагательное *войкан* обозначает не собственно белый цвет, а оттенки светлых цветов при описании светлых предметов или объектов окружающей действительности вообще. Поэтому к числу основных цветообозначений может быть отнесена только лексема *яңк*.

По традиционным представлениям манси и ханты, как и некоторых других народов, белый цвет символизирует благополучие, удачу, здоровье и изобилие. Например, ляпинские манси считали, что если в стаде родился белый олененок, это предвещало удачу его хозяину. Животные и растения, имеющие чисто

белый цвет: горностаи, лебедь, берёза и др. – у манси относятся к числу священных [12].

Белый цвет однозначно ассоциируется с верховным богом – *Нуми-Тōрум*, создающей сущности. Обычные эпитеты данного божества в мансийских фольклорных текстах – «светлый», «золотой», «белый» [13, 51]. Существует ряд параллельных имен и постоянных эпитетов *Нуми-Тōрум’а*: «Золотой свет», «Белый бог» и др. В культовой атрибутике с *Нуми-Тōрум’ом* ассоциировались белый цвет и берёза как священное дерево. В жертву ему приносили животных, шкуры, ткань, одежду белого цвета.

С белым цветом в мансийском языке тесно связана культовая атрибутика богов и духов. В описаниях одежды и атрибутов *Мис-хўма*, *Ворсик-ōйки*, *Ворсик-экви* в святилищах преобладают одежды и ткани белого цвета. Традиционно белый цвет присвоен *Калтась* – верховной богине в мансийской мифологии, жене верховного небесного Бога *Нуми-Тōрум’а* и матери *Мир-суснэ-хўм’а*. По преданию ляпинских манси, *Нёр-ōйка* – «хозяин Урала» ездил на белых оленях, его одежда и обувь были сшиты из белого меха.

Мир-суснэ-хўм, один из главных персонажей в пантеоне божеств северных манси, рисуется как всадник на белом восьмикрылом коне, объезжающий мир на высоте облаков, он – «царь идущих облаков» [14]. В жертву ему приносили белую лошадь.

Поскольку белый цвет имеет большое сакральное значение, он активно используется в обрядовой деятельности и сакральных ритуалах манси. В.С. Иванова отмечает, что для *Тōрум кан* жертвенными животными могли являться овца, корова, телёнок, лошадь, жеребёнок белого цвета. Жертвенное подношение духам в виде отреза ткани *Ассын* также должно было быть белого цвета. «Жители д. Кимкъясуй приводили на *Тōрум кан* одновременно трёх животных белого цвета. <...> У всех групп манси для *Нуми-Тōрум’а* жертвовали лошадь белой масти <...> В Ильин день манси-оленевода совершали на Урале жертвоприношение оленей для *Нуми-Тōрум’а*. В этот же день для установления хорошей погоды приносили в жертву белого оленя» [8, 94, 101, 117]. Средне- и нижнесосьвинские манси

праздновали *Пёрна хōтал* ‘Крестовый день’ Преображение Господне примерно через месяц после Петрова дня. По сведениям Н.И. Новиковой, обряд проходил ночью, все надевали белые халаты, заходили по колено в воду и обращались с молитвами к духу [15, 182].

При выборе цвета одежды для повседневной жизни манси выбирали одни цвета, для религиозно-обрядовой – другие. Поскольку белый цвет у обских угров считался священным, то и белая одежда имела особое значение. Существовали определенные ограничения в отношении одежды этого цвета, которые впоследствии свелись к запрету его использования для изображения духов Нижнего мира [16, 146].

Традиционная одежда (особенно халаты), сшитая из белой ткани или белого меха, у хантов и манси считалась праздничной и одновременно выполняла определенные функции. Е.Г. Федорова отмечает, что обшитые по краям белые халаты использовались на медвежьих праздниках для изображения священных танцев богов [17, 206]. А.А. Богордаева сообщает о белых халатах, использовавшихся на медвежьем празднике у манси д. Вежа-коры в 1960-е гг. [18, 103]. В исследовании Н.И. Новиковой, которая приводит название *пуни сах* ‘священный халат’ и включает халаты в разряд специального костюма, использовавшегося на медвежьем празднике, вновь указывается на их белый цвет [15, 134].

Таким образом, цветоименование *яңк* может употребляться для обозначения цвета следующих предметов и явлений:

- красок: *яңк ольпың кол* ‘белой краской выкрашенный дом’, *яңк наиңхāп* ‘белый парход’;
- одежды: *яңк тōрсаль* ‘белый платок’, *яңк вāин хўм* ‘мужчина в белых меховых обувках’, *яңк сахи* ‘белая женская шуба (сахи)’;
- тканей: *яңк тōр* ‘белая ткань’;
- цвета камней: *яңк āхвтас поталы* ‘кусочек белого камня’, *яңк сак* – ‘белый бисер’;
- снега: *тўйткве сяр яңк* ‘снежок совсем белый’, *яңк ты тāл сяр яңк* ‘лёд в этом году совсем белый’;
- цвета человеческих волос: *āтанэ яңкыг сусхатэгыт* ‘волосы белыми смотрятся’;
- шерсти животных: *тэлы сōвыр сōв хурип яңк* ‘белый как шкура зимнего зайца’;

– оперенья птиц: *хōтан пуңэ яңк* ‘белое оперение лебедя’;

– различных предметов реальной действительности: *яңк хусан* ‘белая коробка’, *яңк пāсан тōр* ‘белая скатерть’, *яңк сяй āны* ‘белая чашка’, *яңк пальтув* ‘белое пальто’ и др.

На основе перечисленных выше значений слова «белый» можно сделать вывод, что в мансийской лингвокультуре лексема *яңк* занимает одно из центральных мест и включает в себе положительную оценку предметов и явлений окружающей действительности.

Цветообозначение *сэмыл* ‘черный’ «несет в себе ярко выраженную тенденцию к пейоративной окраске из-за сформировавшегося еще в древнее время страха человека перед темнотой» [19, 136]. Символизм чёрного цвета наиболее часто рассматривают в его самых отрицательных аспектах. Являясь антитезой всем цветам, чёрный ассоциируется «с первобытной тьмой и первичной неоформленной материей» [20, 131]. Как показывают данные нашего исследования, чёрный цвет у манси символизирует собой в основном негативные реалии человеческой жизни: старость, болезни, смерть, зло, горе, печаль и т.п.

Цветообозначение *сэмыл* ‘черный’ характеризуется широкой сочетаемостью. Традиционно в повседневном быту манси не носили чёрной одежды и не использовали тканей чёрного цвета для изготовления одежды или же использовали их только как элементы одеяний, например, темным мехом украшали одежду из светлого меха или шили тканевую накидку, надеваемую поверх мужской малицы. Чёрный цвет всегда стремились нейтрализовать какими-либо украшениями яркого цвета. Цветообозначение *сэмыл* употребляется для обозначения следующих признаков:

- чёрного или тёмного цвета: *сам пунанэ сэмыг сартманэ* ‘ресницы чёрной краской покрасила’, *Хоса минас, вāти минас, сэмыл мā канын ёла минас* ‘Долго ехал, коротко ехал, в чёрное пространство земли вниз проник’ [11, 63];
- цвета ткани: *сэмыл тōр* ‘чёрная ткань’, *сэмылхарпа тōр* ‘тёмная ткань’, в том числе

современной одежды, которую в прошлом не использовали: *сэмыл тёрсаль* 'чёрный платок', *сэмыл тёрыл юнтим суп охса* 'из чёрной ткани сшитая юбка', *сэмыл тэнт* 'чёрная шапка', *сэмыл охсар тэнт* 'шапка, сшитая из серебристо-чёрной лисицы', *сэмыл туплииг* 'чёрные туфли';

– почвы: *мá сэмыл* 'земля чёрная';

– растений: *сэмыл сосыг* 'чёрная смородина', *сэмыл вёр сяхыл* 'чёрный лесной массив', *сэмыл пил* 'чёрные ягоды';

– масти животных и зверей, оперенья птиц тёмного цвета: *сэмыл уй* 'животное чёрной масти', *Сэмыл уй таглың колкемта*, / *вйгыр уй таглың колкемта* 'В доме моем, наполненном чёрными мехами, / В доме моем, наполненном красными мехами' [11, 91];

– широко используется данное цветообозначение для описания внешности человека, например: *сэмыл атпа пуңк* 'голова с чёрными волосами', *сэмыл сампун* 'чёрные брови'.

В определенных словосочетаниях может употребляться в переносном значении, например: *сэмыл вильтуп* 'двуличный, злой' (букв.: с чёрным лицом); «*Ман алам сэмыл суппа лай-Хиньна / Тэңкве ты воратавесүв, / Сэмыл суппа пит-Хиньна / Тэңкве ты воратавесүв*» 'С чёрной пастью красный Хинь / Съесть нас пытаются / С чёрной пастью чёрный Хинь / Съесть нас стремится' [11, 149]. Данный пример раскрывает культовую атрибутику богов и духов Нижнего мира. Судя по тексту, «с чёрной пастью чёрный Хинь» есть не что иное, как болезнь, возможно тиф или оспа.

В чёрных одеяниях изображается *Куль-Отыр*, надзирающий за миром мёртвых и ассоциирующийся с тёмным началом и болезнями [13, 84]. Судя по поверьям, он перевозит на своей длинной чёрной лодке обречённых умереть людей в Нижний мир. Поэтому манси верили, что если приснится сон, в котором *Куль-Отыр* предлагает сесть в свою чёрную лодку и отправиться с ним вниз по течению, то это является предзнаменованием смерти. А для получения, например, дара провидца, по представлениям манси, следовало часто смотреть между ушей чёрной собаки. *Куль-Отыр*у жертвовали животных чёрной масти, а *Самсай-ойке* – духу Нижнего мира, подчинённому

*Куль-Отыр*у, – «преподносили специально сшитые чёрные халаты <...> или *арсын/ассын* обязательно чёрного цвета. Чёрный платок жертвовался жене *Куль-Отыр*'а» [21, 132–137]. Лучшей жертвой для менквов считался конь чёрной масти. *Ялпус-ойке*, который по представлениям манси помогает больным, на Северной Сосьве и верхней Лозьве приносили в жертву чёрный платок при бессоннице или тягости [22, 87].

Отмечается также, что основой изображения *Луски-ойки*, одного из сыновей *Тэгт-котиль-ойки*, служил чёрный камень с процарапанным на нем изображением человеческой фигуры с руками и ногами. Одеждой изображений *Мис-хума* и его сына, так же как и *Пауль-урнэ-ойки*, являются чёрные халаты [23].

Чёрный цвет, являясь символом траура во многих культурах, в том числе мансийской, участвует в вербализации концепта «смерть, беда». Так, в поминально-обрядовой деятельности в знак траура женщины манси повязывали «на правую ногу чёрную ленту и носили до тех пор, пока она сама не спадала» [13, 203]. В некоторых случаях вместо чёрной ленты на ноге носили чёрный шнурок *лагыл пёсыл* 'нога траур'.

Таким образом, аксиологическая бинарная оппозиция *яңк/сэмыл* пронизывает современный мансийский язык, в результате чего *яңк* в мансийских текстах приобретает положительные коннотации, а *сэмыл* вызывает отрицательные ассоциации. Такая оценочная закреплённость, очевидно, обусловлена тем, что изначально белый и чёрный цвета связывались в сознании людей, прежде всего, со светлым и тёмным временем суток, днём и ночью. Свет, день благодаря своей способности делать мир видимым, освещенным субъективно представлялся понятным, безопасным, хорошим, добрым; темнота, ночь в силу своей способности скрывать, делать невидимыми все предметы действительности представлялась непонятной, опасной, злой, связанной с потусторонними силами. В мансийской космологии белый цвет символизирует Верхний мир, чёрный цвет символизирует Нижний мир.

Вйгыр 'красный'

Дальнейшее развитие цветовой символики связано с тем, что бинарная (двоичная) ахроматическая оппозиция *белый цвет – чёрный цвет* трансформируется в хроматическую оппозицию триединства. Это происходит путем включения в неё красного цвета. Большинство авторов, как отечественных, так и зарубежных, сходятся во мнении, что термин, используемый для красного цвета, стал первым в культурно-языковом освоении хроматического кода. Например, в красной краске человек узнавал кровь, огонь, тепло, солнце. Кровь всегда была красной, и «всегда её вид волновал людей, вызывал в них избыточное, по сравнению с нормой, эмоциональное напряжение» [1, 32].

Красный цвет, наряду с белым и чёрным, находящимися в основе восприятия человеком мира, можно назвать цветом активности, олицетворяющим жизнь и действие, поэтому его рассмотрение в качестве одного из начальных этапов формирования цветовой картины мира представляется наиболее существенным при изучении традиционной культуры манси.

Этнографические данные свидетельствуют, что архаичные изолированные культуры в повседневной практике ранее всего осваивают именно красный цвет и применяют его повсеместно для окраски объектов материальной культуры, в обрядовой и культурной деятельности [1, 32]. Таким образом, символический смысл цветовой триады в целом обладает сходством в различных культурах и исторически является следующим этапом развития цветового символизма.

В обрядовой деятельности и сакральных ритуалах манси присутствует немалое количество примеров использования цветоименования *красный*. Так, например, С.А. Попова отмечает, что одним из обрядовых действий является приклад-подарок *вйгыр тёр* 'платок красного цвета', что символизирует «цвет крови для вороны, представляющей собой ипостась духа *Сянь* 'мать'. <...> При свадебном обряде провожания в дом жениха невесту усаживают в нарту, выкрашенную в красный цвет. <...> Поскольку красный цвет является цветом «сердца»,

то все его оттенки означают жизненную силу. Поэтому у манси в послепохоронный период до конца траура соблюдался обычай – не надевать одежду красного цвета» [24, 37, 45, 54]. В трудах В.Н. Чернецова мы находим следующую символику красного цвета в погребальном обряде: над телом умершего перерезают красную нить, которую затем раздают родственникам умершего. Они должны были носить эту нить (иногда на неё нанизывали одну-две бусины) на запястье или щиколотке до тех пор, пока нить не перетрется. Ношение такой нитки в качестве траура по умершему мужу зафиксировано у ляпинских манси в 1991 г. [25, 144].

Поскольку предметы одежды и ткань красного цвета являлись в основном частью жертвенного приклада духам среднего мира, это позволило, как отмечает И.Н. Гемуев, определить значение данного цвета как символа Среднего мира [16, 174]. В обрядовой деятельности и сакральных ритуалах красный цвет активно присутствует при приношениях богам и духам Среднего мира. А.А. Богордаева пишет, что «головные платки и куски ткани красного цвета приносились в качестве жертвы (наравне с кровью) огню. Обские угры делали подношение саха (халата) красного цвета, сжигая его на костре, духу огня Най-экви. <...> С красным цветом в мансийском языке связана культовая атрибутика: пошив и надевание одежды красного цвета на изображения духов обещают удачу в промыслах» [26, 99].

Согласно исследованиям Н.И. Гемуева «одежду красного цвета шили для идолов» [16, 174]. Костюм покровительницы деторождения *Калтась-экви* составляли красные платок, халат и обувь [17, 203]. Островерхая шапка красного цвета считалась атрибутом *Мир-суснэ-хума*, сына верховного божества манси *Нуми-Торум*'а. Жертвенное покрывало, приносившееся в дар *Мир-суснэ-хуму*, обычно изготавливали из сукна двух цветов, при этом одного – обязательно красного [27, 8]. Преимущественное использование красного цвета по отношению к синему, зелёному и жёлтому обусловлено, вероятно, разнообразием природных красителей этого цвета, а также применением шкур животных.

Красный цвет был распространен и в традиционной одежде обских угров. Из сукна и хлопчатобумажной ткани красного цвета шили женскую, мужскую и детскую одежду, которая считалась нарядной. Особенно это было распространено у северных групп обских угров. Орнаментом, нарисованным красной краской собственного производства, украшалась меховая обувь, также красным шерстяным шнурком в украшали косы как женщины, так и мужчины. Приёмы украшения одежды орнаментом из красной ткани сохранились у обских угров и в настоящее время.

Таким образом, *вѳгыр* ‘красный’ употребляется для названия:

– цветов краски: *вѳгыр ѳлюп* ‘красная краска’;

– растительности, её цветов, плодов: *вѳгыр пил* ‘красная ягода’, *вѳгыр лѳпта* ‘красный цветок (листок)’;

– цвета тканей, одежды: *вѳгыр тѳрсаль* ‘красный платок’, *вѳгыр суп* ‘красное платье’;

– камней, почвы (глины): *вѳгыр ѳхвтас* ‘красный камень’, *вѳгыр рѳкт* ‘красная глина’, *вѳгыр нильтан* ‘красный отвесный берег’;

– цвета ярко освещённого неба при закате солнца: *хѳтал ѳнтнѳ мѳ вѳгырг сусхаты* – *хѳлытан вѳтасыг паты* ‘там, где солнце садится, [небо] красным смотрится – завтра ветрено будет’;

– цвета крови, лица: *вѳгыр кѳлп* ‘красная кровь’, *вѳгыр пѳйт* ‘красные щѳки’;

– цвета волос, масти животных и оперения птиц: *вѳгыр пункуп* ‘рыжеголовый’, *вѳгыр ѳй* ‘красный зверь’, *мѳнсын вѳгыр сампун ѳньси* ‘глухарь красные брови имеет’.

В системе эпических цветообозначений лексема *вѳгыр* ‘красный’ занимает важное место и включает в себе преимущественно положительную оценку предмета. В мансийском языке красный цвет не несѳт отрицательного значения, он символизирует красоту, здоровье, полноту жизни. В рамках мансийской традиции можно с уверенностью утверждать, что красный цвет является одним из доминантных цветов в семантической структуре ритуала. Маркировка

красным цветом – наиболее архаичный и универсальный способ моделирования ритуальных объектов. Это наглядно выражено в функциях красных нарт, красного платка, красного шнурка, пояса, маркировки ритуальных полотенец, в структуру которых обязательно включена красная нить и т.п. В мансийской космологии красный цвет символизирует Средний мир.

Таким образом, на основе общих критериев (наличие цветообозначения независимо от значения других цветообозначений, свободная сочетаемость, стилистическая нейтральность, вхождение в состав устойчивых сочетаний, высокая частотность употребления и т.д.) в мансийском языке нами была выделена центральная группа цветообозначений: *ѳнк* ‘белый’, *сѳмыл* ‘чѳрный’ и *вѳгыр* ‘красный’. Данные цветообозначения являются многозначными единицами, которые кроме первичного, или главного, цветового значения обладают значениями, построенными на ассоциации с цветом и производными от них значениями, обладающими социокультурным компонентом знания.

Оппозиция *ѳнк* / *сѳмыл* ‘чѳрный / белый’ пронизывает мансийский язык, в результате чего *ѳнк* в мансийских текстах приобретает положительные коннотации, а *сѳмыл* вызывает отрицательные ассоциации. Белый и чѳрный цвета – это, прежде всего, противопоставление светлых и тѳмных сил – добра и зла, тепла и холода, рождения и смерти. Красный цвет в мансийском языке совмещает символизацию белого и чѳрного. Это цвет перехода из одного состояния в другое, символ возрождения, цвет свежей крови и огня, который, согласно древним верованиям, создаѳт мир. Он символизирует жизнь, тепло, рождение. Заклучая в себе только положительное значение, красный символизирует красоту, здоровье, полноту жизни, а также является одним из доминантных цветов в семантической структуре ритуала. Первичность происхождения этих цветов ограничили сферу их применения и определили их символику: белый – символ Верхнего мира, чѳрный – Нижнего мира, красный – Среднего мира.

Литература

1. Бакеева, Д.А. Символика цвета в разнообразных культурах мира: мифологический этап [Текст] / Д.А. Бакеева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6 (20). – С. 30–33.
2. Berlin, V. & Kay, P. Basic color terms: their universality and evolution. – Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1969. – 178p.
3. Соколова, З.П. Отрывок из полевого дневника о поездке на р. Ляпин в 1966 г. [Текст] / З.П. Соколова // Вестник угроведения. – 2015. – № 4 (23). – С. 167–180.
4. Бахтиярова, Т.П. Мансийско-русский словарь (верхне-лозьвинский диалект) [Текст] / Т.П. Бахтиярова, С.С. Динисламова. – Тюмень: ФОРМАТ, 2016. – 140 с.
5. Ромбандеева, Е.И. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский: пособие для учащихся начальной школы [Текст] / Е.И. Ромбандеева, Е.А. Кузакова. – Ленинград: Просвещение, 1982. – 360 с.
6. Баландин, А.Н. Мансийско-русский словарь [Текст] / А.Н. Баландин, М.П. Вахрушева. – Ленинград: Просвещение, 1958. – 228 с.
7. Тэрнер, В.И. Символ и ритуал [Текст] / В.И. Тэрнер. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 277 с.
8. Тернер, В.У. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала ндембу). Семиотика и искусствометрия [Текст] / В.У. Тернер. – М.: Мир, 1972. – С. 55–63.
9. Кульпина, В.Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении [Текст] / В.Г. Кульпина // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ. – М.: КомКнига, 2007. – С. 126–184.
10. Хинзеева, Д.П. Семантика основных цветообозначений в бурятском языке: когнитивный подход [Текст] / Д.П. Хинзеева // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – С. 149–154.
11. Именитые богатыри Обского края. В 3-х томах [Текст] / под ред. С.С. Динисламовой. – Т. 3. – Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. – 204 с.
12. Традиционные верования и мировоззрения народов ханты и манси [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://studsell.com/view/182600/30000/> (дата обращения: 30.09.2016).
13. Иванова, В.С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало ХХI века) [Текст] / В.С. Иванова. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. – 282 с.
14. Мифология хантов и манси. Образовательные ресурсы [Электронный ресурс] / Мир-сусне-хум – культурный герой / Режим доступа: <http://etnic.ru/edu/myth/myth19.html> (дата обращения: 30.09.2016).
15. Новикова, Н.И. Традиционные праздники манси [Текст] / Н.И. Новикова. – М.: ИЭА РАН, 1995. – 222 с.
16. Гемуев, И.Н. Религия народа манси. Культурные места XIX – начало ХХ в. [Текст] / И.Н. Гемуев, А.М. Сагалаев. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.
17. Федорова, Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси [Текст] / Е.Г. Федорова. – СПб.: МАЭ РАН, 1994. – 286 с.
18. Богордаева, А.А. Покрой и украшения обрядовых халатов северных манси [Текст] / А.А. Богордаева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 1 (16). – С. 102–112.
19. Кривошлыкова, Л.В. Особенности восприятия черного цвета в английской и французской картинах мира [Текст] / Л.В. Кривошлыкова, Ж.В. Кургузенкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2015. – № 1. – С. 135–139.
20. Шабашева, Е.А. Особенности оценки цветообозначения чѳрный в семантике фразеологических единиц русского и английского языков [Текст] / Е.А. Шабашева // Linguamobilis. – 2012. – № 4 (37). – С. 131–137.
21. Богордаева, А.А. Особенности изображения Самсай-ойки – домашнего духа-покровителя северных манси [Текст] / А.А. Богордаева // Вестник археологии, антропологии и этнографии – 2011. – № 1 (14). – С. 135–145.
22. Бауло, А.В. Медведь-барабанщик. Русская игрушка в обрядах и культурах обских угров [Текст] / А.В. Бауло // Наука из первых рук. – 2015. – № 1 (61). – С. 77–91.

23. МАНСИ. Историческая справка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: hmao.kaisa.ru/file/1810186625?lc=ru (дата обращения: 04.10.2016).
24. Попова, С.А. Обрядовая деятельность народа манси [Текст] / С.А. Попова // Обряды жизненного цикла: учеб.-методическое пособие – Ч. I. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. – 111 с.
25. Чернецов, В.Н. Представления о душе у обских угров [Текст] / В.Н. Чернецов // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований – Т. 51. – М.: ТИЭ. Новая серия, 1959. – С. 115–156.
26. Богордаева, А.А. Цветовая символика в традиционной одежде обских угров [Текст] / А.А. Богордаева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 1999. – № 2. – С. 98–104.
27. Бауло, А.В. Жертвенные покрывала как феномен обрядовой практики обских угров (генезис и эволюция) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Бауло. – Новосибирск, 1997. – 23 с.

References

1. Bakeeva D.A. *Simvolika cveta v raznoobraznyh kul'turah mira: mifologicheskij jetap* [Symbolism of the color in various cultures of the world: mythological stage]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and art history. Issues of the theory and practice], 2012, no. 6-2, pp. 30–32.
2. Berlin B. & Kay P. *Basic color terms: their universality and evolution*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1969. 178p.
3. Sokolova Z.P. *Otryvok iz polevogo dnevnika o poezdkeny r. Ljapin v 1966 g.* [Passage from the field diary about the trip on the river Lyapin in 1966]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies], 2015, no. 4 (23), pp. 167–180.
4. Bakhtiyarova T.P. *Mansijsko-russkij slovar' (verhne-loz'vinskij dialekt)* [Mansi-Russian dictionary (Verkhnyaya Lozva dialect)]. Comp. by T. P. Bakhtiyarova, S. S. Dinislamova. Tyumen: FORMAT Publ., 2016. 140 p.
5. Rombandeeva E.I. *Slovar' mansijsko-russkij i russko-mansijskij: Posobie dlja uchashhihsja nachal'noj shkoly* [Mansi-Russian and Russian-Mansi Dictionary: textbook for students of elementary school]. Comp. by E. I. Rombandeeva, E. A. Kuzakova. Leningrad: PROSVESHhENIE Publ., 1982. 360 p.
6. Balandin A.N. *Mansijsko-russkij slovar'* [Mansi-Russian dictionary]. Comp. by A. N. Balandin, M. P. Vakhrusheva. Leningrad: PROSVESHhENIE Publ., 1958. 228 p.
7. Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka» Publ., 1983. 277 p.
8. Turner V.U. *Problema cvetovoj klassifikacii v primitivnyh kul'turah (na materiale rituala ndembu)* [The problem of color classification in primitive cultures (on the material of the ritual of the Ndembu)]. *Semiotika i iskusstvometrija* [Semiotics and artmetry]. Moscow: Mir Publ., 1972. pp. 55–63.
9. Kulpina V.G. *Sistema cvetooboznachenij russkogo jazyka v istoricheskom osveshhenii* [System of the color names the Russian language within history]. *Naimenovaniya cveta v indoevropskikh jazykah: sistemnyj i istoricheskij analiz* [Names of the color in Indo-European languages: systematic and historical analysis]. Moscow: KomKniga Publ., 2007, pp. 126–184.
10. Khinzeeva D.P. *Semantika osnovnyh cvetooboznachenij v burjatskom jazyke: kognitivnyj podhod* [The semantics of basic color terms in the Buryat language: cognitive approach]. *Uchenye zapiski Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija, istorija, vostokovedenie* [Scientific notes of Transbaikal State University. Series: Philology, history, oriental studies], 2010, no. 3, pp. 149–154.
11. *Imenitye bogatyri Obskogo kraja. Kniga tret'ja* [Famous heroes of the Ob region. 3-rd book]. Ed. by S.S. Dinislamova. Khanty-Mansiysk: Jugorskij format Publ., 2015. 204 p.
12. *Tradicionnye verovanija i mirovozzrenija narodov hanty i mansi* [Traditional beliefs and worldview of the Khanty and Mansi peoples]. (In Russ.) Available at: <https://studsell.com/view/182600/30000/> (accessed September 30, 2016).
13. Ivanova V.S. *Lokal'nye osobennosti v obrjadnostisevernyh mansi (konec XIX – nachalo XXI veka)* [Local features in rites of the Northern Mansi (the end of XIX – beginning of XXI century)]. Khanty-Mansiysk: IIC JuGUPubl., 2010. 282 p.

14. *Mifologija hantov i mansi. Obrazovatel'nye resursy. Mir-susne-hum – kul'turnyj geroj* [The mythology of the Khanty and Mansi. Educational resources. Mir-susne-khum – hero of culture]. (In Russ.) Available at: <http://etnic.ru/edu/myth/myth19.html> (accessed September 30, 2016).
15. Novikova N.I. *Tradicionnye prazdniki mansi* [Traditional celebrations of Mansi]. Moscow: IJeA RAN Publ., 1995. 222 p.
16. Gemuev I.N. *Religija naroda mansi. Kul'tovye mesta XIX – nachalo XX v.* [The religion of the Mansi people. Cult places of the XIX – beginning of XX century]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1986. 190 p.
17. Fedorova E.G. *Istoriko-jetnograficheskie ocherki material'noj kul'tury mansi* [Historical and ethnographic essays on the material culture of the Mansi]. Saint-Petersburg: MAJe RAN Publ., 1994. 286 p.
18. Bogordaeva A.A. *Pokroj i ukrasheniya obrjadovyh halatov severnyh mansi* [Style and decoration of the ceremonial robes of the Northern Mansi]. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography], 2012, no. 1(16), pp. 102–112.
19. Krivoshlykova L.V. *Osobennosti vosprijatija chernogo cveta v anglijskoj i francuzskoj kartinah mira* [Features of perception of black color in English and French pictures of the world]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics], 2015, no. 1, pp. 135–139.
20. Shabasheva E.A. *Osobennosti ocenki cvetooboznachenija chjornyj v semantike frazeologicheskikh edinic russkogo i anglijskogo jazykov* [Peculiarities of estimation of the color term black in the semantics of phraseological units of Russian and English languages]. *Lingua mobilis* [Lingua mobilis], 2012, no. 4(37), pp. 131–137.
21. Bogordaeva A.A. *Osobennosti izobrazhenija Samsaj-ojki – domashnego duha-pokrovitelja severnyh mansi* [The features of the image of Samsay-oyka – home spirit of the guardian of the Northern Mansi]. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography], 2011, no. 1(14), pp. 135–145.
22. Baulo A.V. *Medved'-barabanshhik. Russkaja igrushka v obrjadah i kul'tah obskikh ugrov* [Bear drummer. Russian toy in the rites and cults of the Ob Ugrians]. *Nauka iz pervyh ruk* [Science from the first hands], 2015, no. 1(61), pp. 77–91.
23. МАНСИ. *Istoricheska jaspravka* [MANSI. Historical note]. (In Russ.) Available at: hmao.kaisa.ru/file/1810186625?lc=ru (accessed October 04, 2016).
24. Popova, S.A. *Obrjadovaja dejatel'nost' naroda mansi* [Ritual activities of the people of Mansi]. *Obrjady zhiznennogo cikla: ucheb.-metodicheskoe posobie – Ch. I* [The rites of the life cycle: textbook – Ch. I.]. Khanty-Mansiysk: IIC JuGUPubl., 2010. 111 p.
25. Chernetsov V.N. *Predstavlenija o dushe u obskikh ugrov* [Representations about the soul of the Ob Ugrians]. *Issledovanija i materialy po voprosam pervobytnyh religioznyh verovanij* [Research and materials on primitive religious beliefs]. Moscow: TIE «Nov. ser.» Publ., 1959, Vol. 51, pp. 115–156.
26. Bogordaeva A.A. *Cvetovaja simbolika v tradicionnoj odezhde obskikh ugrov* [Color symbolism in traditional clothing of the Ob Ugrians]. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography], 1999, no. 2, pp. 98-104.
27. Baulo A.V. *Zhertvennye pokryvala kak fenomen obrjadovoj praktiki obskikh ugrov (genesis i jevoljucija)* [The sacrificial covers as the phenomenon of the ritual practices of the Ob Ugric peoples (genesis and evolution)]. Novosibirsk, 1997. 23 p.